

Мяомья с самого начала знал, что дедушка очень добр к нему, хотя тот и не был его родным дедом.

Мальчик был подкидышем, пловшим по течению реки. Неизвестно как, но пеленки с младенцем прибило к самому краю материка — в Затерянный лес. Когда дед нашел его, кроха, обмотанный белой тканью, лежал и с любопытством разглядывал небо, а затем перевел взгляд на него.

Черные, как смоль, глазки сияли, словно в них отразились звезды. Малыш не испугался незнакомца, не заплакал, а лишь залиvisto рассмеялся, ухватившись за протянутый палец старика. Он и не догадывался, что этот палец изначально тянулся к нему, чтобы лишить жизни: старик никогда не отличался добротой, а таскать за собой обузу не входило в его привычки.

Но когда крошечная, слабая ручка легко обхватила его огрубевший, узловатый палец, а кожа ребенка коснулась его собственной, старик внезапно замер.

Возможно, вырастить ребенка — не такая уж плохая идея. Эта странная и беспочвенная мысль внезапно возникла в его голове.

Словно под влиянием наваждения, старик, которого все вокруг считали бессердечным чудовищем в человеческом обличье, вдруг поддался этому абсурдному порыву. Он всю жизнь ненавидел обузу, а в молодости не раз вырезал целые семьи, чтобы избежать будущих неприятностей. Трусость, низость, страх, ярость, ненависть, проклятия умирающих — он видел на лицах людей самые разные гримасы перед концом, но никто прежде не встречал его улыбкой и доверием.

Даже понимая, что этот приплывший младенец — сплошная загадка и ходячая проблема, он не смог убить его сразу. Старик стоял, глядя на снежный комочек в пеленках, и в его голове шла ожесточенная борьба. Это молчание длилось гораздо дольше, чем любое из его убийств. Спустя три минуты из живота младенца раздалось слабое урчание.

Улыбка на лице ребенка исчезла, пухлые губки дрогнули, и он приготовился заплакать от обиды.

— ... — старик лишь молча смотрел на него.

Действительно, сплошная морока.

Все, что произошло дальше, казалось сном. Маленький источник проблем остался рядом с ним. Чтобы ухаживать за этим крайне привередливым ребенком, привыкший к скитаниям старик был вынужден построить в лесу небольшой деревянный домик. Младенец был слишком мал, чтобы есть обычную пищу.

На старика была объявлена высшая награда в княжестве Лунной тени, и ему нельзя было показываться в городах. Но, увидев, как малыш, голодный и с покрасневшими глазами, старается не плакать, понимая, в каком затруднительном положении находится опекун, старик долго молчал, а затем достал запылившуюся маску и, не оглядываясь, вышел за порог. Раз уж взялся растить, негоже позволить ему умереть — это было бы позором для него самого.

Ради того чтобы вырастить этого привереду, который, казалось, ничего не требовал, но на деле нуждался в идеальном уходе, старик за короткое время постарел еще больше. Руки, привыкшие лишь сжимать рукоять меча, научились готовить и менять пеленки. Грозный «Жнец» рядом с этим малышом ничем не отличался от обычного беспомощного человека. Иногда, придя в ярость, он думал, что проще бросить ребенка обратно в реку, но стоило малышу обхватить его палец и рассмеяться, а в нос ударить сладкий молочный аромат, как сердце старика вновь оттаивало.

Наверное, этот ребенок послан мне в наказание, думал старик.

Так или иначе, под присмотром неумелого опекуна Мяомяо благополучно пережил самый хрупкий период своей жизни. Однако на седьмом месяце после того, как его подобрали, мальчик внезапно тяжело заболел.

В тот день кожа спящего ребенка вдруг озарилась ослепительным серебристым сиянием, а по всему телу проступили ярко-красные, похожие на терновые ветви узоры. Они словно высасывали из него жизнь, заставляя ребенка увядать на глазах. Даже выдавший виды старик никогда не видел подобного. Прижимая к груди слабо дрожащего малыша, он почувствовал, как его ледяное сердце впервые задрожало от страха.

Ребенок, казалось, сам осознал происходящее. Проснувшись, он смотрел на деда полными слез глазами. Он открывал рот, пытаясь что-то сказать, но не мог издать ни звука, лишь беззвучно шевелил губами. Старик долго всматривался, прежде чем понял: малыш звал его дедушкой.

Мяомяо еще не умел говорить, но старик учил его называть себя так. Он полагал, что ребенок еще слишком мал, чтобы понимать, поэтому произносил это лишь пару раз. Но этот малыш, к которому он успел привязаться, был особенным: даже не имея сил издать звук, он запомнил артикуляцию. Перед лицом надвигающейся смерти он, охваченный ужасом, искал спасения у самого близкого человека.

— Дедушка... дедушка...

Слезы катились по щекам ребенка. Ему было невыносимо больно, казалось, будто его кожа и кости горят в адском пламени. Видя, что дыхание малыша становится все слабее, старик, не раздумывая, закутал его в плащ и покинул лес.

Он не пошел к лекарям — те были бы бессильны. Он отправился к древнему духу дерева, жившему в горах Цанлун почти десять тысяч лет. Тот давно стал могущественным великим демоном. Опасаясь, что пространственная магия навредит нестабильному состоянию ребенка,

старик проделал путь в тысячи километров на своих двоих, направляя всю свою магию лишь на то, чтобы защитить малыша от тряски, совсем забыв о себе.

Старый дух дерева как раз собирался уйти в затворничество и приказал слугам никого не пускать, но спустя семь дней, когда старик чуть не сжег его гору, вынужден был недовольно выбраться из своего логова. Увидев, что этот грозный убийца пришел просить о помощи, дух не упустил случая связвить:

— Ты, старый негодяй, когда это у тебя проснулась доброта? Ребенка растишь? Родной? Невозможно. Откуда украл?

Старик не обратил внимания на слова духа, лишь сунул ему в руки ребенка и холодно бросил:

— Спаси его.

Дух дерева замолчал. Его это разозлило: где это видано, чтобы просители вели себя подобным образом? Но стоило ему взглянуть на ребенка, как слова застряли у него в горле. Малыш, даже во сне, хмурился от боли, а на его щеках еще не высохли слезы. Он был невероятно красив и ни капли не походил на своего деда.

Дух дерева принял человеческий облик — прекрасного юноши с сияющим взглядом. Он бережно взял ребенка, и его внутренняя энергия, концентрируясь, превратилась в изумрудную жемчужину, сияющую невероятным светом. Дух раздавил её, пытаясь дать ребенку, но тот плотно сжал губы.

— Я сам, — сказал старик и, взяв малыша, осторожно похлопал его по спинке.

Почувствовав знакомое тепло и прикосновение, ребенок расслабился и открыл рот. Как только он проглотил снадобье, жизненная энергия хлынула в его тело. Лицо ребенка порозовело, а красные узоры начали бледнеть. Оба, и старик, и дух, облегченно выдохнули.

— Спасибо, я в долгу у тебя. Попроси о чем угодно, — первым нарушил молчание дедушка. Он был сдержан, но в его глазах светилась радость.

— Ты увидел что-то, когда смотрел на него? Почему? Ты знаешь, кто он? — тут же спросил старик.

Дух дерева покачал головой:

— Нет, я не знаю, кто он. Просто, увидев его, я почувствовал, что он очень важен. Я благодарен тебе за то, что ты принес его ко мне. Иначе он бы погиб.

— Интуиция, — повторил старик, усмехнувшись.

Он не стал развивать тему и спросил:

— А те узоры на нем? Ты знаешь, что это?

Дух помрачнел:

— Я не видел таких меток раньше, но чувствую их природу. Это жестокое проклятие обмена жизнью, высасывающее жизненную силу. Сейчас оно прервано, и заклинатель наверняка получил сильный ответный удар. Но снять его полностью я не могу — нужно убить того, кто его наложил.

— Я об этом позабочусь, — ответил старик так спокойно и уверенно, словно враг уже был мертв.

Дух дерева посмотрел на него и улыбнулся:

— Ты сильно изменился. Раньше ты был словно мертвец, а сейчас... так гораздо лучше.

Старик не ответил и лишь спросил, чего еще хочет дух в качестве награды. Тот отмахнулся:

— Считай это моим подарком ребенку. Если хочешь отплатить — когда он подрастет, пусть назовет меня дедушкой.

Вернувшись в Затерянный лес, старик окончательно принял этого малыша как родного. Родной человек... как тяжелы эти слова, но он был готов нести этот груз всю жизнь. Удивительно, но при мысли о том, что у него наконец есть семья, уголки его губ невольно поползли вверх.

Неужели он был по-настоящему счастлив?

На пеленках ребенка было вышито имя, данное родителями: Цзян Люцзин. Старик не собирался менять его, ведь имя в этом мире — это печать души. Но раз уж он подобрал и вырастил его, у ребенка должно быть и имя от него. Учитывая, что он нашел малыша в озере, он назвал его Мяомяо.

Его Мяомяо был единственным и самым драгоценным сокровищем в этом Затерянном лесу.

<http://bllate.org/book/23927/2730607>